

УДК 342.723; 341.231.14

**ДЕЛИБЕРАТИВНЫЙ НАРОДНЫЙ КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМ
И КОНСТИТУЦИОННЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ:
ФОРМЫ, ПРОЦЕДУРЫ И ТЕХНОЛОГИИ В СРАВНИТЕЛЬНОЙ
КОНСТИТУЦИОННОЙ ТЕОРИИ И ПРАКТИКЕ
(К 30-ЛЕТИЮ КОНСТИТУЦИИ РФ В СРАВНИТЕЛЬНОМ АСПЕКТЕ)**

© 2023 г. И. А. Кравец

Новосибирский национальный исследовательский государственный университет

E-mail: kravigor@gmail.com

Поступила в редакцию 06.09.2023 г.

Аннотация. В статье обсуждаются доктринальные и нормативные основы делиберативного народного конституционализма, с одной стороны, и формы конституционных изменений – с другой, процедуры и технологии участия граждан и института общественности в конституционной модернизации в свете юридического прогнозирования и развития научных основ конституционного реформирования и конституционного дизайна. Делиберативный народный конституционализм является интегрированным понятием, предназначенным для анализа прескриптивных требований и перспективных начал в конституционной модернизации государства и общества, форм и процедур участия граждан в конституционных изменениях, процессов подготовки и реализации конституционных преобразований в современный период. В качестве выводов автор статьи отмечает: делиберативный народный конституционализм – это разновидность метатеории, в которой соединяются вопросы дискурсивной и делиберативной концепции демократии, учение о конституционном вовлечении граждан и института участия общественности – научной, профессиональной и иной – в вопросах конституционного развития и конституционных изменений.

Ключевые слова: делиберативный народный конституционализм, конституционная коммуникация, народный суверенитет, правовая коммуникация, коммуникативный конституционализм, равное участие, информационное общество, конституция, конституционные изменения.

Цитирование: Кравец И.А. Делиберативный народный конституционализм и конституционные изменения: формы, процедуры и технологии в сравнительной конституционной теории и практике (к 30-летию Конституции РФ в сравнительном аспекте) // Государство и право. 2023. № 12. С. 48–58.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00627, <https://rscf.ru/project/23-28-00627/> («Коммуникативный конституционализм и конституционная мобилизация: проблема делиберативного участия в публичном и информационном пространстве и трансформация системы публичной власти (концепты, нормы и институциональные механизмы)»).

DOI: 10.31857/S102694520029375-3

**DELIBERATIVE POPULAR CONSTITUTIONALISM
AND CONSTITUTIONAL CHANGES:
FORMS, PROCEDURES AND TECHNOLOGIES
IN COMPARATIVE CONSTITUTIONAL THEORY AND PRACTICE
(ON THE 30th ANNIVERSARY OF THE CONSTITUTION
OF THE RUSSIAN FEDERATION IN A COMPARATIVE ASPECT)**

© 2023 I. A. Kravets

Novosibirsk State University

E-mail: kravigor@gmail.com

Received 06.09.2023

Abstract. The article discusses the doctrinal and normative foundations of deliberative popular constitutionalism, on the one hand, and the forms of constitutional changes — on the other, the procedures and technologies for the participation of citizens and the public participation institute in constitutional modernization in the light of legal forecasting and the development of the scientific foundations of constitutional reform and constitutional design. Deliberative popular constitutionalism is an integrated concept designed to analyze prescriptive requirements and promising principles in the constitutional modernization of the state and society, forms, and procedures for the participation of citizens in constitutional changes, the processes of preparing and implementing constitutional changes in the modern period. As a conclusion, the author of the article notes: deliberative popular constitutionalism is a kind of metatheory that combines the issues of the discursive and deliberative concept of democracy, the doctrine of the constitutional involvement of citizens and the institution of public participation — scientific, professional and otherwise — in matters of constitutional development and constitutional changes.

Key words: deliberative popular constitutionalism, constitutional communication, popular sovereignty, legal communication, communicative constitutionalism, equal participation, information society, constitution, constitutional changes.

For citation: Kravets, I.A. (2023). Deliberative popular constitutionalism and constitutional changes: forms, procedures and technologies in comparative constitutional theory and practice (on the 30th anniversary of the constitution of the Russian Federation in a comparative aspect) // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 12, pp. 48–58.

The reported study was funded by Russian Science Foundation according to the research project No. 23-28-00627, <https://rscf.ru/project/23-28-00627/> (“Communicative constitutionalism and constitutional mobilization: the problem of deliberative participation in the public and information space and the transformation of the public power system (concepts, norms and institutional mechanisms)”).

*Если есть одна задача, для решения которой «мудрость»
кажется весьма желательной,
так это написание конституции,
рассчитанной на неопределенное будущее,
Юн Эльстер¹*

*Государственная власть... в СССР служит формой
проявления народного суверенитета,
А.И. Ким²*

*Народ примет любой выбор нашего Президента.
Н.А. Боброва³*

Введение

Конституция РФ 1993 г. после конституционной реформы 2020 года действует в сложных международных условиях, базируясь на приоритете конституционных норм. Российские исследования конституционализма в универсальном и национальном измерениях⁴ создали благоприятную почву для появления новых интегративных подходов к изучению и исследованию конституционных изменений в XX — первой четверти XXI в. Возвращение в конституционную повестку дня *приоритета норм конституции* по отношению к нормам международного права показало значимость *отечественного конституционализма* для многих государств, и Российского государства в особенности. Появились *гибридные модели конституционализма*. В то же время оказались далеко не оправданными ожидания ученых о *снижении роли современных конституций в развитии правовых систем*, о расширении поля действия международного публичного права в его взаимодействии с нормами конституционного права. Усиливается *международный тренд на вовлечение граждан в процесс конституционных изменений* на различных стадиях. Данный вектор признается наиболее значимым в современных сравнительных конституционных исследованиях⁵. В работах также небезосновательно заявляется *новое требование о необходимости существенного пересмотра форм и методов участия народа в конституционных изменениях*⁶. Доктрина делиберативного

конституционализма, несомненно, отражает и развивает этот вектор конституционного вовлечения граждан.

Природа конституционной коммуникации в поисках коллективной мудрости: участие, влияние, обсуждение, принуждение

Понятие *делиберативного конституционализма* родилось как результат комбинирования конституционной теории, особенно в области конституционного дизайна, обсуждений вопросов конституционного характера и конституционных изменений и делиберативной демократической теории (теории делиберативной демократии). В российской юриспруденции доктринальное разнообразие в понимании конституционализма подвело научное сообщество к разработке *интегрированного конституционно-делиберативного подхода*, который до сих пор не получал развития как самостоятельный академический подход. Цель и задачи создания теории *делиберативного конституционализма* носят многоплановый характер и, как правило, включают требование о *расширении конституционной основы для демократического принятия решений* и о создании *демократической основы для конституционных изменений*. Делиберативный конституционализм как теория, объясняющая вовлечение в конституционную коммуникацию, служит делу *поиска коллективной мудрости в вопросах конституционного дизайна и конституционных изменений*⁷. В целях конституционной коммуникации *делиберативный конституционализм* включается в процесс обсуждения и разработки нормативных требований к вопросам согласования таких задач, как обсуждение и принятие решений по конституционным вопросам не должны сохранять *исключительный элитизм* профессионального сообщества, бюрократического элемента и представительных учреждений; *инклюзивная парадигма в современном конституционализме* требует расширения *института общественного, научного и демократического участия* по широкому спектру вопросов конституционных изменений.

В науке советского государственного права активно использовалась *декларативная и пропагандистская функция*, в малой степени (дозированной идеологическими соображениями) применялись *критический рационализм* и *критическое мышление в области правовых исследований*, особенно когда речь заходила о реальных функциях советских конституций⁸. *Вектор критики* был направлен на формирование *враждебных сравнений* по отношению к буржуазным государственно-правовым институтам, в то время как внутригосударственный правовой порядок и действующие конституции на союзном и республиканском уровнях оставались в поле возвеличивания преимуществ и в малой толике их затрагивал критический рационализм. *Конституционно-правовой реализм оказывался на дальней периферии конституционного мышления*. В последней советской союзной Конституции (Конституция СССР 1977 г.) ст. 2 гласила: «*Вся власть*

⁷ Как отмечается в современной литературе, делиберативный конституционализм необходим для того, «чтобы представить более полную картину конституционной практики, чем может предложить любая из его исходных дисциплин» благодаря тому, что «конституционная теория и теория совещательной демократии имеют общую фиксацию на проблемах легитимности» (см.: Kong H.L., Levy R. Deliberative Constitutionalism // The Oxford Handbook of Deliberative Democracy / ed. by A. Bächtiger, J.S. Dryzek, J. Mansbridge, M. Warren. Oxford, 2018. P. 625, 626).

⁸ «В СССР... вся власть принадлежит юридически и фактически народу». «Власть в СССР — подлинное народовластие, действительная демократия» (см.: Ким А.И., Барнашов А.М. Народное представительство в СССР. Томск, 1982. С. 3; Ким А.И. Государственная власть и народное представительство в СССР: гос.-правовое исследование. Томск, 1975).

¹ См.: Elster J. The Optimal Design of a Constituent Assembly // Collective Wisdom. Principles and Mechanisms / ed. by H. Landemore, J. Elster. NY, 2012. P. 148.

² См.: Ким А.И. Государственная власть в СССР — выражение суверенитета советского народа // Актуальные вопросы государства и права. Томск, 1972. С. 59—72.

³ См.: Боброва Н.А. Футурологический анализ конституционных реформ, или Прогноз политического развития России на 2024 год // Конституционное и муниципальное право. 2023. № 7. С. 8.

⁴ См.: Конституционализм: универсальное и национальные измерения / под ред. Т.А. Васильевой, Н.В. Варламовой. М., 2022.

⁵ В частности, это развитие инклюзивной парадигмы в конституционном праве с опорой на опыт Ирландии и Исландии (см.: Васильева Т.А. Конституционное собрание в Ирландии: делиберативная демократия в действии // Сравнительное конституционное обозрение. 2022. № 6 (151). С. 46; Ег же. Конституционные реформы в цифровую эпоху: опыт Исландии // Вестник СПбУ МВД России. 2019. № 3. С. 55—62). Развивается инклюзивная и цифровая парадигма вовлечения граждан в процесс конституционных обсуждений и изменений (учитываются и современные цифровые технологии, например технология конституционного краудсорсинга) (см.: Кравец И.А. Цифровое гражданство и конституционные вызовы в информационном и алгоритмическом обществе // Сравнительное конституционное обозрение. 2023. № 2 (153). С. 93—123).

⁶ См.: Contiades X., Fotiadou A. Introduction: Participatory Constitutional Change // Participatory Constitutional Change: The People as Amenders of the Constitution / ed. by X. Contiades, A. Fotiadou. Abingdon; New York, 2017. P. 1—6.

в СССР принадлежит народу». Вместе с тем категория «советский народ» в преамбуле употреблялась в третьем лице, что говорило о неприятии формулы демократической легитимации во втором лице как наиболее распространенной в народном конституционализме⁹. Выбор лица чаще всего символизирует степень включенности и вовлечения в процесс обсуждения и принятия решений, а также кто говорит от имени народа: ограниченный круг его представителей, политическая партия или господствующая бюрократия, партократия (номенклатура). Немаловажно и то, *позволено ли народу говорить от своего собственного имени* или третье лицо с позиций когнитивной конституционной лингвистики — *символ отсутствующего лица, от имени которого говорят другие*.

Российская Конституция начинается со слов «Мы, многонациональный народ Российской Федерации» и в отличие от большинства современных конституций в формуле демократической легитимации содержит ссылку на *мультикультурные и полинациональные основания народного суверенитета*.

Конституционная реформа 2020 года обеспечила включение в текст Конституции РФ 1993 г. новых традиционных ценностей, однако в ходе ее осуществления не было сформулировано понятие политической нации как субъекта конституционно-правовых отношений и в тексте Конституции не появились *нормы о российском народе и россиянах как носителях народного суверенитета*. Формула многонационального народа России не была дополнена конституционализацией российского народа как источника власти в государстве. В контексте ст. 3 (ч. 1) Конституции РФ («Носителем суверенитета и единственным источником власти в Российской Федерации является ее многонациональный народ») многонациональный народ не обрел свое *уникальное наименование*, отражающее *самобытный характер конституционной идентичности*, в статусных конституционных положениях (например, «*российский народ является носителем суверенитета и единственным источником власти в России*»)¹⁰. Обсуждение конституционной реформы 2020 года в российской юриспруденции показало частичную удовлетворенность проводимыми преобразованиями, критику института преемственности поста главы государства и транзита институтов власти¹¹, но также вызвало более кардинальные предложения о разработке нового проекта Конституции среди представителей научного сообщества в МГУ им. М.В. Ломоносова¹² или

в академических научных структурах, например в Институте государства и права РАН¹³.

Реформа 2020 года в России, очевидно, стала значимым фактором развития *нелиберального российского конституционализма с опорой на ценности неотрадиционализма*, продвижением в конституционный текст нормативных положений о традиционных ценностях и солидарности в духе консервативной нелиберальной традиции, которая только в некоторых чертах пытается связаться с поздней совещательной советской традицией в области государственного права. Как показали исследования, разработчики проекта закона РФ о поправке к Конституции РФ 2020 года, а также Конституционный Суд РФ при его оценке использовали международный тренд на вовлечение граждан в процесс конституционных изменений¹⁴, однако ни в самом Законе, ни в принятом Заклещении Конституционного Суда РФ¹⁵ не обнаружим осмысленного упоминания какой-либо *доктрины учредительной власти (конституирующей власти)*; более того, в упомянутом акте федерального органа конституционного правосудия термин «*учредительная власть*» или «*конституирующая власть*» вообще не встречается¹⁶. В *демократическом государстве* участие и обсуждение в публично-правовом пространстве, с одной стороны, влияние, ответственность и принуждение — с другой, являются нормативно обусловленными и ценностно ориентированными процедурами, где правовые предписания сочетаются с этическими принципами (в публичной сфере), а личная автономия и право на самовыражение с ответственностью за сделанные суждения и выбор. *Принцип народного суверенитета* участвует в реализации конституционных правоотношений, сфера таких отношений не ограничивается только властеотношениями, но и охватывает реализацию многих политических прав и свобод, которые выражают стремление осуществить политическое участие, участие в управлении делами государства, конституционное волеизъявление граждан по весьма разным вопросам, имеющим важное значение в публичной сфере: от процедур голосования на выборах до участия в референдумах, отъездах, других процедурах, реализующих меры как ответственности, так и информирования и контроля в отношениях между гражданами и органами публичной власти, их должностными лицами. Господствующее положение института представительства в конституционном праве во второй половине XX — первой

⁹ Советский народ, согласно Конституции, закрепляет («основы общественного строя и политики СССР»), устанавливает («права, свободы и обязанности граждан, принципы организации и цели социалистического общенародного государства») и провозглашает («их в настоящей Конституции»).

¹⁰ Важно понять и то, как работает формула многонациональной демократической легитимации в период после принятия конституции, как она влияет на способы и методы, формы и процедуры конституционных изменений? Эти вопросы во многом остаются непроясненными в конституционном тексте. Например, выполняет ли формула многонациональной демократической легитимации учредительную или совещательную функцию в период действия конституции и когда она изменяется? Или как профессиональное и научное сообщество включено в процесс обсуждения и принятия поправок к Конституции РФ, подпадает ли и в какой степени этот процесс участия научной и профессиональной общественности под формулу «Мы, многонациональный народ Российской Федерации»?

¹¹ См.: *Боброва Н.А.* Конституционная реформа—2020 как решение проблемы «транзита власти»—2024 // Конституционное и муниципальное право. 2021. № 2. С. 3.

¹² См.: *Авакьян С.А.* О роли конституционного права в условиях новых задач и концептуальных решений для политического будущего России // Вестник Московского ун-та. Сер. 11. Право. 2023. № 1. С. 3—21.

¹³ См.: *Клеандров М.И.* О неизбежности разработки и принятия новой Конституции Российской Федерации и что в ней должно быть // Государство и право. 2022. № 1. С. 7—18; *Его же.* О неизбежности разработки и принятия новой Конституции Российской Федерации и что в ней должно быть (Окончание) // Государство и право. 2022. № 3. С. 7—18.

¹⁴ См.: *Хабриева Т.Я., Клишас А.А.* Тематический комментарий к Закону Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти». М., 2022. С. 12, 13.

¹⁵ См.: Заключение Конституционного Суда РФ от 16.03.2020 г. № 1-3 «О соответствии положениям глав 1, 2 и 9 Конституции Российской Федерации не вступивших в силу положений Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти», а также о соответствии Конституции Российской Федерации порядка вступления в силу статьи 1 данного Закона в связи с запросом Президента Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации // <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202003160037> (дата обращения: 25.08.2023).

¹⁶ См.: *Кравец И.А.* Учредительная власть и судебный конституционализм: теоретические подходы и конституционная реформа 2020 года // Журнал конституционного правосудия. 2022. № 1. С. 1—11.

четверти XXI в. в России¹⁷ объясняет слабую разработанность инструментов *делиберативной демократии и делиберативного конституционализма* на законодательном и практико-ориентированном уровне применительно к *федеральному и региональному территориальному развитию* и довольно активное проникновение институтов совещательной демократии на *муниципальный уровень*.

Доктрина *делиберативного конституционализма* интегрирует институты и процедуры, формы и нормативные требования в отношении элементов конституционализма и конституционного вовлечения, с одной стороны, и совещательной демократии, применяемой на различных территориальных уровнях и применительно к различным публично-правовым вопросам, с другой стороны. На вопрос, заданный исследователями *делиберативного конституционализма о границах и полноте конституционной легитимности*¹⁸, следует давать позитивный ответ со многими переменными¹⁸. В доктрине *делиберативного конституционализма* обсуждение, участие, сам голос избирателей, других субъектов конституционных изменений формирует публично-правовое поле конституционной коммуникации и образует несколько уровней такой коммуникации. *Базовый* или *низовой уровень* *делиберативного конституционализма* начинается на территории муниципальных образований, однако действующее законодательство ограничивает *предметную сферу* *делиберативного конституционализма* в данной локации¹⁹. Конституционно-правовые вопросы, связанные с поправками к Конституции РФ, обсуждением желательности таких поправок, осуществления мониторинга действия конституционных норм оказываются вне поля законодательного регулирования применительно к муниципальным образованиям. В проекте федерального закона 2021 г. (Законопроект № 40361-8 «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти») ²⁰ проведено *легальное разграничение* (которого нет в действующей редакции Закона, применяется доктринальное разграничение) *форм непосредственного осуществления населением местного самоуправления и форм участия населения в осуществлении местного самоуправления*. Сохраняется правило об открытом перечне обоих форм. Как видно из проекта, число форм сократилось (нет правотворческой инициативы граждан, обращений граждан, конференций), а смешанная природа ТОС отнесена исключительно к *формам непосредственного*

осуществления населением местного самоуправления, что вряд ли оправданно.

Региональный уровень *делиберативного конституционализма* работает на уровне различных субъектов Российской Федерации и может входить в информационно-правовое поле соответствующих федеральных округов. Данный уровень *делиберативного конституционализма* слабо разработан и не отражается на уровне законодательного регулирования применительно к Федеральному закону от 21 декабря 2021 г. № 414-ФЗ (ред. от 04.08.2023; с изм. и доп., вступ. в силу с 15.08.2023) «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации». В структуре данного Закона формы *региональной делиберативной демократии* не предусматриваются. В ст. 1 «Организация публичной власти в субъектах Российской Федерации» данного Закона нет указаний на источник публичной власти (многонациональный народ Российской Федерации), а среди принципов деятельности органов, входящих в единую систему публичной власти в субъекте Федерации (их всего 13), есть *принцип распространения суверенитета Российской Федерации на всю ее территорию*, но нет *принципа народного суверенитета*. Отсюда и *игнорирование институтов делиберативной демократии в установленной структуре публичной власти и в порядке ее осуществления*.

Федеральный уровень *делиберативного конституционализма* требует серьезного развития в сфере создания общих нормативных основ, процедур и практики реализации. На *общифедеральном уровне* существуют российские общественные инициативы (портал «Российская общественная инициатива»²¹), а также общественные обсуждения проектов нормативных правовых актов (это портал для размещения информации о подготовке федеральными органами исполнительной власти проектов нормативных правовых актов и результатах их общественного обсуждения)²². К сожалению, в рамках имеющихся порталов невозможно обсуждать проекты поправок к Конституции РФ, осуществлять предложения по таким поправкам (в порядке общественных инициатив), даже невозможно обсуждать желательность поправок к Конституции РФ с участием граждан. На наш взгляд, *доктрина делиберативного конституционализма и народного конституционализма* требует к 30-летию Конституции РФ принять федеральный конституционный закон о формах учредительной власти и о конституционных общественных инициативах в России.

Предмет и сферы делиберативного конституционализма и информационное поле дискурса

В первой четверти XXI столетия категория «*конституционализм*» приобретает не только новые черты глобального явления, но и показывает явное стремление идти *по пути*

¹⁷ Новое исследование показывает приоритетную значимость института представительства в конституционном праве (см.: Авакьян С.А. Представительство в конституционном праве: вопросы теории и практики. М., 2022).

¹⁸ В частности, Х.Л. Конг и Р. Леви спрашивают: «могут ли теории совещательной демократии и конституционализма, определяемые здесь как практики создания, интерпретации и применения основных правовых норм политического устройства, объединиться, учитывая их различные подходы, чтобы создать более полную картину конституционной легитимности?» (см.: Kong H. L., Levy R. Op. cit. P. 625).

¹⁹ Федеральный закон от 06.10.2003 г. № 131-ФЗ (ред. от 04.08.2023) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» предусматривает разнообразные формы *делиберативной муниципальной демократии*, которые активно, хотя и неравномерно используются в практике муниципальных образований: *правотворческая инициатива граждан* (ст. 26), *инициативные проекты* (ст. 26.1), *территориальное общественное самоуправление* (ст. 27), *муниципальный посредник или староста сельского населенного пункта* (ст. 27.1), *публичные слушания и общественные обсуждения* (ст. 28), *собрания и конференции граждан* (ст. 29, 30), *опрос граждан* (ст. 31), *обращения граждан в органы местного самоуправления* (ст. 32), *иные формы участия населения в осуществлении местного самоуправления* (ст. 33).

²⁰ См.: URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/40361-8> (дата обращения: 25.08.2023).

²¹ См.: Указ Президента РФ от 04.03.2013 г. № 183 (ред. от 17.09.2020) «О рассмотрении общественных инициатив, направленных гражданами Российской Федерации с использованием интернет-ресурса «Российская общественная инициатива» (вместе с «Правилами рассмотрения общественных инициатив, направленных гражданами Российской Федерации с использованием интернет-ресурса «Российская общественная инициатива»»). URL: <https://www.roi.ru/> (дата обращения: 25.08.2023).

²² См.: Федеральный портал проектов нормативных правовых актов. Официальный сайт для размещения информации о подготовке федеральными органами исполнительной власти проектов нормативных правовых актов и результатах их общественного обсуждения (см.: URL: <https://regulation.gov.ru/> (дата обращения: 25.08.2023)).

диверсификации²³. При значительном разнообразии подходов к верификации конституционализма как планетарного явления остается по-прежнему востребованной *формула демократического участия в конституционных изменениях* (каким бы ни был конституционализм и политический режим его воплощения).

Народные конституции и народный конституционализм — взаимосвязанные, но различающиеся категории в современной конституционной юриспруденции. Различные государства даже в условиях демократического режима демонстрируют разную *церемониальную и реальную* приверженность институту народного участия в системе конституционализма. Отечественные и зарубежные ученые обращаются к данным категориям для лучшего понимания форм и методов участия народа в различных вопросах учреждения, обсуждения, изменения, преобразования конституции²⁴. В странах Центральной и Восточной Европы *народный конституционализм* может иметь *версии популистского конституционализма* и служить основанием для оправдания и проведения в жизнь государственной политики *нелиберального консерватизма*²⁵. С одной стороны, для современных форм конституционализма присуща *множественность субъектов конституционного волеизъявления и многообразие правовых и этических императивов*, работающих на уровне конституционных принципов. С другой — культурная, этническая и религиозная множественность субъектов конституционной культуры не должна препятствовать формированию конституционного сообщества граждан и иных лиц (апатридов, иностранцев, бипатридов), коллективной конституционной идентичности. Исследования конституционного дизайна в многосоставных обществах показали значимость культурного, а не только конституционного диалога между представителями различных культур, религий и социальных групп в ходе осуществления конституционных изменений²⁶. Вместе с тем остается важным для учета

²³ На Глобальном Юге и Глобальном Севере, на Европейском Востоке и Европейском Западе, в странах Юго-Восточной Азии появляются *гибридные или промежуточные конституционные формы*, отражающие стремление различных государств осуществить конвергенцию, гибридизацию институтов конституционализма, создать не только конвергентные, но и дивергентные системы конституционализма. Отмечается существование «авторитарного конституционализма», «популистского конституционализма», «революционного конституционализма», «нелиберального консервативного конституционализма» (см.: Populist constitutionalism and illiberal democracies. Between constitutional imagination, normative entrenchment and political reality / ed. by M. Belov. Cambridge, UK, 2021. P. 3, 4).

²⁴ В литературе чаще проводят классификацию конституций с учетом их народного происхождения, *концепт народного конституционализма* требует обращения к практике учета многообразия форм конституционных изменений, что в типологии конституций может и не отражаться (см.: Алексеев Р.А. Типы современных конституций: сравнительный подход // Гражданин. Выборы. Власть. 2019. № 4 (14). С. 78–104).

²⁵ Например, А. Суликовский формулирует понятие *постлиберального конституционализма* для ограниченного ареала государств Центральной и Восточной Европы как результата влияния на идеологию и систему государственного правления и центрально- и восточноевропейского конституционализма *нелиберального консерватизма* (см.: Sulikowski A. Postliberal Constitutionalism. The Challenge of Right Wing Populism in Central and Eastern Europe. Abingdon, Oxon, 2023. P. 1, 3, 4).

²⁶ Первую черту современного конституционализма, которую связывали с принципом народного суверенитета, который «устраняет культурное разнообразие как конститутивный аспект политики» с опорой на суверенность и культурную однородность, не следует рассматривать как абсолютный и неподвижный в своем развитии принцип (см.: Tully J. Strange multiplicity: constitutionalism in an age of diversity. Cambridge, UK, 1995. P. 63).

следующая закономерность: чем демократичнее политическая и правовая культура, тем настойчивее традиция обращения к поддержке народа на всех стадиях конституционного развития и конституционных изменений, хотя текст конституции, ее нормы и принципы могут быть трудным делом для широкого народного понимания²⁷.

Следовательно, в вопросах конституционных изменений и конституционного мониторинга, обсуждения возможных, желательных или необходимых поправок в конституцию страны важно согласовывать две противодействующие друг другу функции: *функцию поддержания конституционного единства и множественности* и *функцию обеспечения вовлечения в конституционный процесс и динамического развития конституционной идентичности*²⁸. Сдерживать различия в границах конституционного плюрализма возможно, проводя диалог и коммуникацию ради достижения границ понимания таких различий.

Нормативные модели конституционализма при осуществлении конституционных изменений дополняются полем конституционных коммуникаций. В действующих конституциях поля конституционных коммуникаций имеют только частичное отражение. В *моделях конституционных изменений* один из ключевых вопросов — это соотношение *адресатов* и *адресантов* конституционных реформ и конституционных изменений. В *теории коммуникации* существуют соответствующие роли: коммуникатора и коммуниканта, участие их в коммуникации посредством обмена информацией (создания сообщения и его получение адресатом), создание коммуникативной сферы. В коммуникативной сфере важное значение имеют социально значимые характеристики коммуникации: смысл информации, социальный статус коммуникантов (возможность обмена информацией и изменения ролей в коммуникативном акте), коммуникативные роли участников коммуникации, характер и степень мотивированности в обмене информацией. При анализе данных характеристик коммуникативной сферы выявляется роль *доминанты в коммуникативной системе*. Несомненным *доминантом* в системе российского конституционализма становится глава государства как инициатор и проводник конституционной реформы.

Российский конституционализм после конституционной реформы 2020 года переживает кризис легитимности²⁹ и находится в состоянии поиска новых факторов легитимации для эффективной конституционной коммуникации, для развития социальной солидарности, сохранения принципов демократического и федеративного государства, которые оказались под прессом «обнуления» президентских полномочий, СВО и глобальным противостоянием государств. *Перспективы российского конституционализма* будут связаны с решением нескольких *стратегических задач*

²⁷ См.: Levin D.L. Representing Popular Sovereignty: The Constitution in American Political Culture. Albany, 1999. P. 13, 14.

²⁸ Стремление к поддержанию конституционной идентичности на основе мультикультурных различий в границах национальной юрисдикции может приводить к потребности ограничивать легитимность демократического правопорядка и в то же время содействовать более широкому вовлечению в конституционный диалог и коммуникацию не обязательно на основе стремления «к напрямую подчинению различий» ради конституционной идентичности (см.: Slaughter M.M. The Multicultural Self: Questions of Subjectivity, Questions of Power // Constitutionalism, Identity, Difference, and Legitimacy. Theoretical Perspectives. Durham and London, 1994. P. 369–382).

²⁹ См.: Медушевский А.Н. Конституционная реформа—2020 с позиций теории легитимности // Теоретическая и прикладная юриспруденция. 2020. № 4. С. 15–30.

в области повышения эффективности *конституционной коммуникации и вовлечения в процесс конституционных изменений*: 1) создание на общефедеральном уровне нормативных основ для форм учредительной власти и конституционных общественных инициатив в России (наиболее подходящей будет форма федерального конституционного закона); 2) создание на региональном уровне (в законодательстве субъектов Российской Федерации) нормативных основ для форм делиберативного народного конституционализма³⁰; 3) создание интернет-портала «Открытая конституция» и, возможно, гражданской ассамблеи с привлечением широких слоев граждан и профессионального экспертного сообщества для обсуждения возможных поправок к Конституции или проекта новой Конституции.

Институты делиберативной демократии многообразны, их применение к области конституционных изменений связано с конституционной мобилизацией граждан, общественных объединений, иных некоммерческих организаций, органов публичной власти и их должностных лиц. Сравнительный опыт конституционных изменений с использованием элементов делиберативного конституционализма позволяет говорить о нескольких *моделях конституционной мобилизации*.

1. *Модель всеобщей конституционной мобилизации*, сочетающей формы императивной и делиберативной демократии в условиях широкого привлечения граждан и институтов гражданского общества к обсуждению предлагаемых поправок к конституции с последующим вынесением на конституционный референдум самих поправок для всенародного голосования. Такая модель возникает вследствие проведения общенациональных референдумов или голосований по вопросам принятия отдельных поправок к конституции или по вопросу принятия проекта новой конституции. Широкий опыт проведения конституционных референдумов в Ирландии с 1937 г. (сначала по проекту Конституции, а затем по поправкам к Конституции)³¹, а также расширенное вовлечение граждан в обсуждение отдельных конституционных поправок посредством создания портала Ассамблея граждан, или Гражданская ассамблея (англ. *The Citizens' Assembly*)³², показывают расширение сферы как делиберативного, так и императивного участия граждан по конституционным вопросам.

2. *Модель частичной профессиональной и экспертной конституционной мобилизации* с применением технологий делиберативной демократии с некоторыми элементами обязательности принимаемых решений, вынесенных на

голосование. В этом случае процедура *всенародного голосования* (как она использовалась, например, в России) тяготеет к всеобщей мобилизации, однако она применяется в ограниченном информационном пространстве без использования современных интернет-технологий для выявления предварительного мнения населения о содержании конституционных поправок, а сама процедура голосования предполагает только пакетный способ волеизъявления по конституционным вопросам. В качестве *новации в развитии российского юридического конституционализма* стало общероссийское голосование 1 июля 2020 г. по Закону РФ о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ³³.

3. *Модель конституционного краудсорсинга*, которая сочетает *традиционные и новые информационные и цифровые технологии*, комбинирует формы императивной и делиберативной демократии и создает условия для появления новых форм выражения *народной конституанты и делиберативного конституционализма*. Здесь наибольший интерес (для будущего делиберативного конституционализма и цифрового участия) вызывает *уникальный конституционно-цифровой эксперимент по соучастию граждан и органов публичной власти* (в качестве носителей *конституирующей власти*) в написании конституции в Исландии. Данный эксперимент отразил не только новации в использовании сетей и информационных технологий и традиционные формы реализации конституирующей власти, но и поставил вопрос о возможности обычных граждан, не наделенных профессиональными знаниями в области конституционного права или права вообще, участвовать в создании конституционных норм.

В многосоставных обществах с разнообразным составом населения, где существуют различные культуры, религии, этносы, формирование *конституционного сообщества граждан*, опирающегося на федеральную конституцию и общую конституционную идентичность, требует решения многосложной задачи как при создании конституции, так и после того, как она была введена в действие, имея в виду возможность осуществления согласованных конституционных изменений³⁴. Следовательно, *делиберативный конституционализм* сталкивается с проблемой согласования принципа единства политической нации и народа в конституционно-правовом значении как совокупности граждан и принципа поддержания культурного разнообразия и конституционного вовлечения для обсуждения процессов конституционных изменений. *Формы делиберативного вовлечения* важны на разных стадиях конституционных

³⁰ Возможно внесение поправок в действующий Федеральный закон от 21.12.2021 г. № 414-ФЗ (ред. от 04.08.2023; с изм. и доп., вступ. в силу с 15.08.2023) «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» в части установления принципа народного суверенитета для организации и функционирования системы публичной власти; возможно предусмотреть специальную главу о формах непосредственного осуществления населением публичной власти в субъектах Российской Федерации и о формах участия населения в осуществлении публичной власти.

³¹ В ст. 46 (ч. 1) Конституции Ирландии закрепляется, что «любое положение Конституции может быть изменено путём поправки, изменения или отмены способом, установленным в этой статье». После принятия любого предложения об изменении Конституции обеими палатами парламента такой законопроект («Акт об изменении Конституции») «должен быть представлен на референдум для решения народом в соответствии с действующим законом о референдуме» (см.: Конституция Ирландии. URL: <https://worldconstitutions.ru/?p=151> (дата обращения: 25.08.2023)).

³² См.: The Citizens' Assembly. URL: <https://citizensassembly.ie/overview-previous-assemblies/> (дата обращения: 25.08.2023).

³³ См.: СЗ РФ. 2020. № 11, ст. 1416.

Проведенное общероссийское голосование соединило пакетный способ волеизъявления граждан без возможности выбора между различными по предмету регулирования поправками к разным положениям Конституции РФ и технологию конституционного арт-популизма с использованием общероссийских каналов телевидения. Смысл конституционного арт-популизма заключался в том, чтобы усилить информационное воздействие известных народу деятелей культуры и искусства, которые не являлись специалистами в области конституционного права или права вообще.

³⁴ Так, по мнению исследователя (С. Чоудри), конституции в разделенных обществах играют множество ролей, среди которых «полезно различать регулятивную и конститутивную». Однако следует учитывать и коммуникативную функцию конституции для целей поддержания диалога о границах и возможностях конституционных изменений с использованием новейших информационных и цифровых технологий (см.: Choudhry S. Bridging comparative politics and comparative Constitutional Law: Constitutional design in divided societies // Constitutional Design for Divided Societies: Integration or Accommodation? / ed. by S. Choudhry. Oxford, New York, 2008. P. 5, 6).

изменений и применительно к различным процедурам (обсуждения желательности конституционных поправок, разработки содержания отдельных конституционных поправок, участие в голосованиях на стадии принятия поправок на референдумах или консультативных процедурах).

Проведенные исследования в области использования институтов делиберативной демократии в процессе подготовки и создания конституций, а также последующего конституционного развития в 118 странах (в отношении 138 новых конституций) показывают вполне устойчивую закономерность для будущих исследований и практики конституционного дизайна³⁵. Такая закономерность в свете *сравнительного опыта конституционных изменений* (как он осмысливается в первых двух декадах XXI в.) выражается в следующих положениях. При этом учитываются и иные исследования в области сравнительной конституционной инженерии. Во-первых, общее стремление к включению граждан и общественности в широком смысле в процесс разработки конституции сказывается положительно на легитимности конституций³⁶.

Во-вторых, необходимо учитывать историю, культуру и традиции в публично-правовой сфере («страхи и устойчивые закономерности») при разработке конституции, применяя теорию ограничений и теорию выбора к сфере конституционного строительства, которые в целом содействовали бы применению делиберативных форм участия на ранних этапах конституционного дизайна³⁷.

В-третьих, устойчивым вектором конституционных изменений во многих странах мира становится «общее увеличение участия в процессе разработки конституции», которое «положительно влияет на уровень демократии после ее опубликования» (поэтому можно говорить о мировом тренде конституционализма).

В-четвёртых, если принимать во внимание различные этапы создания конституции (например, разделение создания конституции на три этапа — составление проекта, обсуждение и ратификация), то «степень участия граждан на этапе разработки имеет гораздо большее влияние на конечный режим»; «степень участия граждан в процессе разработки имеет более серьезные последствия для демократизации, чем последующие этапы “дебатов” и “ратификации”».

В-пятых, реформаторам конституции или создателям новой конституции следует больше сосредоточиться на обеспечении общественной «поддержки» на начальном этапе процесса разработки конституции³⁸.

В-шестых, политические элиты и представители научной общественности могут быть вовлечены в процесс

манипулирования конституционными знаниями и экспертными суждениями, особенно в тех случаях, когда граждане, не обладающие профессиональными знаниями, полагаются на мнение узкой группы юристов. Вследствие этого важно обеспечивать открытое информационное и дискурсивное поле для обсуждения конституционных изменений с привлечением авторитетной и максимально широкой профессиональной и научной аудитории.

В-седьмых, исследование показало, что, в отличие от процесса «в форме песочных часов» Ю. Эльстера, подчеркивающего важность процедур одобрения, «прямой вклад граждан на раннем этапе может не иметь большого значения для содержания конституции», но такой вклад «имеет гораздо большее значение, чем референдумы для того типа демократии, который возникает»³⁹.

В-восьмых, сочетание императивных и делиберативных форм демократии для целей создания новых конституционных норм и конституций постепенно становится велением времени и является важной комбинацией учета различных возможностей (как профессиональных, так и групповых, личных) участников процесса конституционных изменений.

В-девятых, в современном мире используются как формальные, так и неформальные способы изменения конституций⁴⁰, комбинация которых существенно отличается в различных государствах; на стадии конституционного проектирования важно учитывать имеющийся опыт в конкретном государстве и оценивать возможность применения иных технологий (формальных и неформальных конституционных изменений) с учетом аккумуляции позитивного эффекта и рисков манипулирования общественным правосознанием.

Заключение: выводы и предложения

Предметная сфера делиберативного конституционализма формируется на основе сравнительного правового материала и может иметь различную конфигурацию в пределах отдельных национальных юрисдикций. Для развития *российской модели делиберативного конституционализма* важно учитывать следующее.

1. Учредительная власть народа проецируется на процесс конституционных изменений и не ограничивается классификацией на первичную (изначальную) и производную (институциональную), как принято в современной доктрине конституционализма⁴¹. Теория коммуникативной деятельности (Ю. Хаббермас)⁴² показывает, что коммуникация по конституционным вопросам может быть *более инклюзивной* для широких слоев граждан, профессионального и научного сообщества, если применяются современные информационные и цифровые технологии (интерактивные технологии, краудсорсинг, гражданские ассамблеи).

2. Делиберативный конституционализм расширяет социальное поле и демократическую легитимацию конституционных изменений, которые в рамках федеративной системы должны охватывать три уровня организации публичной

³⁵ См.: Eisenstadt T., LeVan A., Maboudi T. When Talk Trumps Text: The Democratizing Effects of Deliberation during Constitution-Making, 1974–2011 // American Political Science Review. 2015. Vol. 109. Iss. 3. P. 592–612.

³⁶ По мнению исследователей, когда «конституции разрабатываются с участием значимой и прозрачной общественности», то это «с большей вероятностью будет способствовать демократизации» в границах национальной юрисдикции (см.: ibid. P. 592, 593).

³⁷ См.: Кравец И.А. Модели конституционных изменений и конституционная реформа в цифровую эпоху: правовые, методологические и практические аспекты // Государственная власть и местное самоуправление. 2023. № 6. С. 4.

³⁸ Ключевое внимание на стадии ратификации и референдумов, т.е. на «завершающей стадии», вряд ли исправит «первородный грех» ограниченного участия граждан во время разработки проекта (см.: Eisenstadt T., LeVan A., Maboudi T. Op. cit. P. 592, 593, 606, 607).

³⁹ Ibid. P. 606.

⁴⁰ См.: Routledge Handbook of Comparative Constitutional Change / ed. by X. Contiades, A. Fotiadou. London, 2020.

⁴¹ См.: Шустров Д.Г. Конституция и учредительная власть: проблема ограничения // Конституционное и муниципальное право. 2022. № 2. С. 29–39; Кравец И.А. Система конституционализма и учредительная власть в условиях глобализации: некоторые современные подходы // Общественные науки и современность. 2020. № 4. С. 74–89.

⁴² См.: Хаббермас Ю. Теория коммуникативной деятельности / пер. с нем. А.К. Судакова. М., 2022.

власти. С учетом уже введенного в Конституцию РФ принципа единства системы публичной власти институты делиберативного конституционализма необходимо развивать и предусматривать в качестве нормативных основ на федеральном, региональном и муниципальном уровнях.

Формы императивной (референдум, голосования) и *делиберативной (совещательной) демократии* могут использоваться в различной степени для проведения в жизнь конституционных изменений формального и неформального характера.

3. *Делиберативный конституционализм* продуктивно развивается и служит делу более широкого вовлечения граждан в процесс конституционных изменений в условиях принятия и использования концептов делиберативного права в различных сегментах правовой системы⁴³. Концепции права как коммуникация и коммуникативная теория права могут интегрироваться с концепциями делиберативного права не только для верификации действительности правовых норм, но и для расширения социального поля правового и политического вовлечения в процедуру развития и совершенствования конституционного правопорядка.

4. Для современных конституций *не характерно* повсеместное закрепление *форм императивной и делиберативной демократии* для обсуждения и принятия как поправок к Конституции, так и проектов новых конституций. В литературе справедливо отмечается, что конституции, действующие в первых двух декадах XXI в., уделяют мало внимания регулированию *принципов участия граждан в конституционном проектировании, в конституционном мониторинге и в конституционной модернизации*. Пристальное внимание к институту участия общественности в конституционных изменениях и использование новейших информационных и цифровых технологий становятся неизбежной чертой современной.

5. *Делиберативный конституционализм следует воспринимать как метатеорию*, в которой соединяются вопросы дискурсивной и делиберативной теории демократии, конституционного вовлечения и участия граждан и института общественности (научной, профессиональной и иной) в вопросах конституционного развития и конституционных изменений. Как отмечает Ю. Хабермас, «социологический перевод дискурсивной теории демократии подразумевает, что обязательные решения, чтобы быть легитимными, должны управляться коммуникационными потоками, которые начинаются на периферии и проходят через шлюзы демократических и конституционных процедур»⁴⁴.

Таким образом, доктрина *делиберативного народного конституционализма* развивается как ответ на вызовы информационного и цифрового общества, содействует более широкому вовлечению граждан, экспертного, научного и профессионального сообществ, а также повышению конституционной легитимности и социальной солидарности в стране.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Авакьян С.А.* О роли конституционного права в условиях новых задач и концептуальных решений для политического будущего России // Вестник Московского ун-та. Сер. II. Право. 2023. № 1. С. 3–21.
2. *Авакьян С.А.* Представительство в конституционном праве: вопросы теории и практики. М., 2022.
3. *Алексеев Р.А.* Типы современных конституций: сравнительный подход // Гражданин. Выборы. Власть. 2019. № 4 (14). С. 78–104.
4. *Боброва Н.А.* Конституционная реформа–2020 как решение проблемы «транзита власти»–2024 // Конституционное и муниципальное право. 2021. № 2. С. 3.
5. *Боброва Н.А.* Футурологический анализ конституционных реформ, или Прогноз политического развития России на 2024 год // Конституционное и муниципальное право. 2023. № 7. С. 8.
6. *Васильева Т.А.* Конституционное собрание в Ирландии: делиберативная демократия в действии // Сравнительное конституционное обозрение. 2022. № 6 (151). С. 46.
7. *Васильева Т.А.* Конституционные реформы в цифровую эпоху: опыт Исландии // Вестник СПбУ МВД России. 2019. № 3. С. 55–62.
8. *Ким А.И.* Государственная власть в СССР – выражение суверенитета советского народа // Актуальные вопросы государства и права. Томск, 1972. С. 59–72.
9. *Ким А.И.* Государственная власть и народное представительство в СССР: гос.-правовое исследование. Томск, 1975.
10. *Ким А.И., Барнашов А.М.* Народное представительство в СССР. Томск, 1982. С. 3.
11. *Клеандров М.И.* О неизбежности разработки и принятия новой Конституции Российской Федерации и что в ней должно быть // Государство и право. 2022. № 1. С. 7–18.
12. *Клеандров М.И.* О неизбежности разработки и принятия новой Конституции Российской Федерации и что в ней должно быть (Окончание) // Государство и право. 2022. № 3. С. 7–18.
13. Конституционализм: универсальное и национальные измерения / под ред. Т.А. Васильевой, Н.В. Варламовой. М., 2022.
14. *Кравец И.А.* Модели конституционных изменений и конституционная реформа в цифровую эпоху: правовые, методологические и практические аспекты // Государственная власть и местное самоуправление. 2023. № 6. С. 4.
15. *Кравец И.А.* Система конституционализма и учредительная власть в условиях глобализации: некоторые современные подходы // Общественные науки и современность. 2020. № 4. С. 74–89.
16. *Кравец И.А.* Учредительная власть и судебный конституционализм: теоретические подходы и конституционная реформа 2020 года // Журнал конституционного правосудия. 2022. № 1. С. 1–11.
17. *Кравец И.А.* Цифровое гражданство и конституционные вызовы в информационном и алгоритмическом обществе // Сравнительное конституционное обозрение. 2023. № 2 (153). С. 93–123.
18. *Медушевский А.Н.* Конституционная реформа–2020 с позиций теории легитимности // Теоретическая и прикладная юриспруденция. 2020. № 4. С. 15–30.
19. *Хабермас Ю.* Теория коммуникативной деятельности / пер. с нем. А.К. Судакова. М., 2022.
20. *Хабриева Т.Я., Клишас А.А.* Тематический комментарий к Закону Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти». М., 2022. С. 12, 13.
21. *Шустров Д.Г.* Конституция и учредительная власть: проблема ограничения // Конституционное и муниципальное право. 2022. № 2. С. 29–39.
22. *Choudhry S.* Bridging comparative politics and comparative Constitutional Law: Constitutional design in divided societies // Consti-

⁴³ См.: *Levy R., Orr G.* The Law of Deliberative Democracy. NY, 2016; *Marshall P.* The Law of Deliberative Democracy // International Journal of Constitutional Law. 2017. Vol. 15. Iss. 3. P. 872–875.

⁴⁴ *Habermas J.* Between Facts and Norms: Contributions to a Discourse Theory of Law and Democracy / transl. by W. Rehg. MIT Press, 1996. P. 356.

- tutional Design for Divided Societies: Integration or Accommodation? / ed. by S. Choudhry. Oxford, New York, 2008. P. 5, 6.
23. *Contiades X., Fotiadou A.* Introduction: Participatory Constitutional Change // Participatory Constitutional Change: The People as Amenders of the Constitution / ed. by X. Contiades, A. Fotiadou. Abingdon; New York, 2017. P. 1–6.
  24. *Eisenstadt T., LeVan A., Maboudi T.* When Talk Trumps Text: The Democratizing Effects of Deliberation during Constitution-Making, 1974–2011 // American Political Science Review. 2015. Vol. 109. Iss. 3. P. 592–612.
  25. *Elster J.* The Optimal Design of a Constituent Assembly // Collective Wisdom. Principles and Mechanisms / ed. by H. Landemore, J. Elster. NY, 2012. P. 148.
  26. *Habermas J.* Between Facts and Norms: Contributions to a Discourse Theory of Law and Democracy / transl. by W. Rehg. MIT Press, 1996. P. 356.
  27. *Kong H.L., Levy R.* Deliberative Constitutionalism // The Oxford Handbook of Deliberative Democracy / ed. by A. Bächtiger, J.S. Dryzek, J. Mansbridge, M. Warren. Oxford, 2018. P. 625, 626.
  28. *Levin D.L.* Representing Popular Sovereignty: The Constitution in American Political Culture. Albany, 1999. P. 13, 14.
  29. *Levy R., Orr G.* The Law of Deliberative Democracy. NY, 2016.
  30. *Marshall P.* The Law of Deliberative Democracy // International Journal of Constitutional Law. 2017. Vol. 15. Iss. 3. P. 872–875.
  31. Populist constitutionalism and illiberal democracies. Between constitutional imagination, normative entrenchment and political reality / ed. by M. Belov. Cambridge, UK, 2021. P. 3, 4.
  32. Routledge Handbook of Comparative Constitutional Change / ed. by X. Contiades, A. Fotiadou. London, 2020.
  33. *Slaughter M.M.* The Multicultural Self: Questions of Subjectivity, Questions of Power // Constitutionalism, Identity, Difference, and Legitimacy. Theoretical Perspectives. Durham and London, 1994. P. 369–382.
  34. *Sulikowski A.* Postliberal Constitutionalism. The Challenge of Right Wing Populism in Central and Eastern Europe. Abingdon, Oxon, 2023. P. 1, 3, 4.
  35. *Tully J.* Strange multiplicity: constitutionalism in an age of diversity. Cambridge, UK, 1995. P. 63.
  8. *Kim A.I.* State power in the USSR – expression of the sovereignty of the Soviet people // Topical issues of state and law. Tomsk, 1972. P. 59–72 (in Russ.).
  9. *Kim A.I.* State power and people’s representation in the USSR: a state-legal study. Tomsk, 1975 (in Russ.).
  10. *Kim A.I., Barnashov A.M.* People’s Representation in the USSR. Tomsk, 1982. P. 3 (in Russ.).
  11. *Kleandrov M.I.* On the inevitability of the development and adoption of a new Constitution of the Russian Federation and what it should contain // State and Law. 2022. No. 1. P. 7–18 (in Russ.).
  12. *Kleandrov M.I.* On the inevitability of the development and adoption of a new Constitution of the Russian Federation and what it should contain (End) // State and Law. 2022. No. 3. P. 7–18 (in Russ.).
  13. Constitutionalism: universal and national dimensions / ed. by T.A. Vasilieva, N.V. Varlamova. M., 2022 (in Russ.).
  14. *Kravets I.A.* Models of constitutional changes and constitutional reform in the digital age: legal, methodological and practical aspects // State power and local self-government. 2023. No. 6. P. 4 (in Russ.).
  15. *Kravets I.A.* The system of constitutionalism and constituent power in the context of globalization: some modern approaches // Social sciences and modernity. 2020. No. 4. P. 74–89 (in Russ.).
  16. *Kravets I.A.* Constituent power and judicial constitutionalism: theoretical approaches and constitutional reform in 2020 // Journal of Constitutional Justice. 2022. No. 1. P. 1–11 (in Russ.).
  17. *Kravets I.A.* Digital citizenship and constitutional challenges in the information and algorithmic society // Comparative Constitutional Review. 2023. No. 2 (153). P. 93–123 (in Russ.).
  18. *Medushevsky A.N.* Constitutional reform–2020 from the standpoint of the theory of legitimacy // Theoretical and applied jurisprudence. 2020. No. 4. P. 15–30 (in Russ.).
  19. *Habermas Yu.* Theory of communicative activity / transl. from German by A.K. Sudakov. M., 2022 (in Russ.).
  20. *Khabrieva T. Ya., Klishas A.A.* Thematic commentary on the Law of the Russian Federation on the Amendment to the Constitution of the Russian Federation dated March 14, 2020 No. 1-FKZ “On improving the regulation of certain issues of the organization and functioning of public power”. M., 2022. P. 12, 13 (in Russ.).
  21. *Shustrov D.G.* Constitution and constituent power: the problem of limitation // Constitutional and Municipal Law. 2022. No. 2. P. 29–39 (in Russ.).
  22. *Choudhry S.* Bridging comparative politics and comparative Constitutional Law: Constitutional design in divided societies // Constitutional Design for Divided Societies: Integration or Accommodation? / ed. by S. Choudhry. Oxford, New York, 2008. P. 5, 6.
  23. *Contiades X., Fotiadou A.* Introduction: Participatory Constitutional Change // Participatory Constitutional Change: The People as Amenders of the Constitution / ed. by X. Contiades, A. Fotiadou. Abingdon; New York, 2017. P. 1–6.
  24. *Eisenstadt T., LeVan A., Maboudi T.* When Talk Trumps Text: The Democratizing Effects of Deliberation during Constitution-Making, 1974–2011 // American Political Science Review. 2015. Vol. 109. Iss. 3. P. 592–612.
  25. *Elster J.* The Optimal Design of a Constituent Assembly // Collective Wisdom. Principles and Mechanisms / ed. by H. Landemore, J. Elster. NY, 2012. P. 148.
  26. *Habermas J.* Between Facts and Norms: Contributions to a Discourse Theory of Law and Democracy / transl. by W. Rehg. MIT Press, 1996. P. 356.
  27. *Kong H.L., Levy R.* Deliberative Constitutionalism // The Oxford Handbook of Deliberative Democracy / ed. by A. Bächtiger, J.S. Dryzek, J. Mansbridge, M. Warren. Oxford, 2018. P. 625, 626.

REFERENCES

1. *Avakyan S.A.* On the role of constitutional law in the context of new tasks and conceptual solutions for the political future of Russia // Herald of the Moscow University. Ser. 11. Law. 2023. No. 1. P. 3–21 (in Russ.).
2. *Avakyan S.A.* Representation in Constitutional Law: issues of theory and practice. M., 2022 (in Russ.).
3. *Alekseev R.A.* Types of modern constitutions: a comparative approach // Citizen. Elections. Power. 2019. No. 4 (14). P. 78–104 (in Russ.).
4. *Bobrova N.A.* Constitutional reform–2020 as a solution to the problem of “transit of power”–2024 // Constitutional and Municipal Law. 2021. No. 2. P. 3 (in Russ.).
5. *Bobrova N.A.* Futurological analysis of constitutional reforms, or the forecast of Russia’s political development for 2024 // Constitutional and Municipal Law. 2023. No. 7. P. 8 (in Russ.).
6. *Vasilieva T.A.* Constitutional Assembly in Ireland: deliberative democracy in action // Comparative Constitutional Review. 2022. No. 6 (151). P. 46 (in Russ.).
7. *Vasilieva T.A.* Constitutional reforms in the digital age: the experience of Iceland // Herald of the SPbU of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2019. No. 3. P. 55–62 (in Russ.).

28. *Levin D.L.* Representing Popular Sovereignty: The Constitution in American Political Culture. Albany, 1999. P. 13, 14.
29. *Levy R., Orr G.* The Law of Deliberative Democracy. NY, 2016.
30. *Marshall P.* The Law of Deliberative Democracy // International Journal of Constitutional Law. 2017. Vol. 15. Iss. 3. P. 872–875.
31. Populist constitutionalism and illiberal democracies. Between constitutional imagination, normative entrenchment and political reality / ed. by M. Belov. Cambridge, UK, 2021. P. 3, 4.
32. Routledge Handbook of Comparative Constitutional Change / ed. by X. Contiades, A. Fotiadou. London, 2020.
33. *Slaughter M.M.* The Multicultural Self: Questions of Subjectivity, Questions of Power // Constitutionalism, Identity, Difference, and Legitimacy. Theoretical Perspectives. Durham and London, 1994. P. 369–382.
34. *Sulikowski A.* Postliberal Constitutionalism. The Challenge of Right Wing Populism in Central and Eastern Europe. Abingdon, Oxon, 2023. P. 1, 3, 4.
35. *Tully J.* Strange multiplicity: constitutionalism in an age of diversity. Cambridge, UK, 1995. P. 63.

Сведения об авторе

КРАВЕЦ Игорь Александрович – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории государства и права, конституционного права, и.о. заведующего кафедрой конституционного и муниципального права, главный научный сотрудник Института философии и права Новосибирского национального исследовательского государственного университета; 630090 г. Новосибирск, ул. Пирогова, д. 1
ORCID: 0000-0001-5291-7177

Authors' information

KRAVETS Igor A. – Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Theory and History of State and Law and Constitutional Law, Acting Head of the Department of Constitutional and Municipal Law, Chief Researcher, Institute of Philosophy and Law, Novosibirsk State University; 1 Pirogov str., 630090 Novosibirsk, Russia